

Особое место в числе устойчивых этических констант русской литературы, литературной критики и публицистики занимает концепт «эгоизм». Данная категория в ее развитии в русском литературном процессе от концепта к универсалии подвергается серьезному и всестороннему изучению в отдельной статье монографии как, в первую очередь, междисциплинарное понятие. Сложность же в обращении к данному феномену заключается, по мысли автора, в том, что русская литература исследовала его и как простое чувство, которым человек руководствовался в своей повседневной жизни, и как сложное и многозначное по природе качество личности. Рефлексия русских писателей на тему эгоизма во второй версии и позволила автору вычленить его как ментальную константу русской культуры.

Следующие несколько статей монографии представляют собой определенное тематическое единство, так как в них анализируются разновидности бытования в русской литературе так называемого концепта «русский европеец». Объектом исследования в аспекте избранной темы становятся творчество И.С. Тургенева, «Парижские письма» П.В. Анненкова, публицистика К.Н. Леонтьева (изучаемый концепт репрезентируется в формулировке «средний европеец»), а также произведение документальной прозы Б.К. Зайцева «Дни». В качестве семантического ядра данного концепта автором видится осмысленные русской литературой дихотомии Россия – Запад.

Последняя статья монографии посвящена анализу рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» с точки зрения реализации в нем стереотипа еврея. Таким образом, логика автора издания ясна – сначала представить теоретическую концептуальную базу для литературоведческого анализа, проследить, как работают конкретные понятийные срезы – концепт, универсалия, стереотип – в ди-ахроническом аспекте, затем постепенно перейти к синхронной версии анализа, вплоть до пристального прочтения конкретного текста с точки зрения реализации в нем заявленной категории.

С.М. Калашникова

ГЕНДЕРНАЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА-КОГНИТОЛОГА

(*Хачмафова З.Р.* Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков) : монография. Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 290 с.)

В современном мире, столь решительно движущемся в направлении принципиальной глобализации и унификации, стереотипизации межличностных отношений, по-прежнему неотменимыми остаются два аксиоматических положения: ни один человек на земле не свободен от принадлежности к полу и ни один не может рассматривать себя вне отнесенности к нации (читай: национальной истории, культуре, языку). В формулировке заглавия книги З.Р. Хачмафовой заявлены оба эти параметра, что уже обещает интересное чтение любому, кто хотел бы углубиться в обозначенную проблематику.

Круг научных тем, связанных со спецификой речевого воплощения гендерно-определенной языковой личности, находится сегодня в ряду наиболее востребованных сразу по нескольким причинам. Среди них назовем далеко не новое, но до сих пор не удовлетворенное требование мирового социума к

фактическому (не только юридическому, «бумажному») равенству полов в разных сферах деятельности и, одновременно с этим, – необходимость сохранять и культивировать существующие тончайшие гендерно-детерминированные различия; роль моно- и кроссгендерных коммуникаций; проблему сохранения и передачи особенностей гендерной психологии в коммуникации; проблему языкового отражения и речевого воплощения гендерных специфик; соотношения гендера с одной стороны и смысла и значения – с другой; гендера, заявленного через языковые личности женщины-продюцента и женщины-реципиента того специфического сообщения, каким выступает художественный текст. Сказанным объясняется многоаспектность исследования З.Р. Хачмафовой и, в конечном счете, его актуальность.

Книга состоит из трех глав. Первая посвящена теоретико-методологическим основам изучения языка женской прозы в когнитивной лингвистике; во второй рассматриваются различные аспекты вербализации женской языковой личности в индивидуально-авторской картине мира; третья вполне конкретно сосредоточена на когнитивном аспекте презентации женской языковой личности в художественном тексте.

В теоретической части (глава 1) ярко обнаруживается адекватность авторского подхода к целому ряду (между прочим, выстроенному по типу «жесткой» логической цепочки) весьма непростых явлений современной теории языка. Речь здесь идет о национальной картине мира, художественном концепте, художественном тексте как способе фиксации и трансляции языковой картины мира и др. Отмечая, что поднятые и решаемые в первой главе проблемы нельзя назвать сверхновыми для ряда наук, лингвистики в том числе, скажем, что чтение этого раздела вовсе не оставляет впечатления дежавю. Обусловлено это, скорее всего, тем, что в подавляющем большинстве случаев читатель видит не только тщательную проработку затронутых в монографии вопросов по имеющейся литературе (только список источников на иностранных языках составляет 86 названий; всего же в библиографии 509 пунктов), но ясным, вполне самостоятельным, порой оправданно смелым авторским взглядом на эти феномены. В качестве одного из примеров укажем на выделение З.Р. Хачмафовой когнитивно-перцептивных модулей с дальнейшей детализацией проблемы – различием в них ядерной части, представленной соответствующей лексикой; ближней периферии, воплощенной в синонимических рядах; также дальней периферии с демонстрацией в ней слов-ассоциатов. После чего, согласно общей логике лингвистического исследования, автор приступает к поиску в найденных модулях соответствующих лексико-семантических групп.

Чрезвычайно интересно, на наш взгляд, трактуются выделяемые феномены гендерной картины мира и совокупной женской языковой личности (с опорой на известные труды Ю.С. Степанова, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика и др.) Понятие художественной индивидуально-авторской картины мира показано как одно из сложнейших и противоречивых в комплексе современных гуманитарных наук – возможно, ввиду своего принципиально субъективного характера (с. 40 и далее).

Среди основополагающих положений работы упоминания заслуживает тезис о том, что при всей множественности языковых картин мира любая из них национальна (с. 93). К числу «трудных», а потому продуктивно спорных концепций исследования отнесем те, которые так или иначе связаны с понятиями «женского дискурса», «языка женщины» (с. 61 и далее), текста женской прозы

(дефинирован на с. 152). К чести автора заметим, что их разработка почти во всех случаях корректна, научно безупречна и точна.

К достоинствам работы отнесем также развитие и решение в ней проблемы моделирования женской языковой личности в художественном тексте. Чем важна сегодня проблематика экспериментального когнитивного моделирования в лингвистике? Любая «живая», действующая коммуникативная модель представляет собой схему, служащую образцом-основой для дальнейшего создания бесчисленного множества конкретных речевых воплощений и, в конечном счете, выстраивания полноценного, адекватного дискурса, в нашем случае словесно-художественного. А экспериментальное выделение адекватной системы таких взаимосвязанных моделей ведет к созданию соответствующей целостной когнитивной концепции (как системы систем), обнаружению законов и закономерностей межличностного общения, проникновению в сущностную глубину изучаемого процесса.

Отмечая хороший, «качественный» язык и ход изложения в книге З.Р. Хачмафовой, укажем также на ту особенность ее текста, которую можно определить как лингвистическое следствие априорно уважительного отношения к читателю. Там, где материал требует этого или попросту позволяет, автор обращается к его наглядной схематизации. Например, таким образом демонстрируются особенности формирования текстовых когнитивно-перцептивных модулей в дискурсе современной женской прозы на с. 154.

Рассуждения автора, промежуточные и основные положения исследования проиллюстрированы вполне достаточным и презентативным эмпирическим материалом – отрывками из художественных произведений современных русских и немецких писательниц.

Серьезность, добросовестность проделанной работы, скрупулезность, с какой проводился анализ собранного материала, способны приблизить исследователя к решению весьма непростых вопросов, связанных не только с избранной разновидностью дискурса, но и дискурсивных практик вообще, вне зависимости от их частных разновидностей. Несомненно, труд З.Р. Хачмафовой можно считать зрелым, завершенным исследованием, которое будет воспринято научным лингвистическим сообществом как достаточно заметный и положительный шаг в развитии теории коммуникации.

При чтении монографии возникают и такие вопросы, ответов на которые, равно как и расширенного обоснования авторских позиций, мы так и не нашли.

Прежде всего, нас интересует правомерность использования в научном исследовании таких понятий, как «женская проза», «женский дискурс», «язык женщин(ы)», «женская языковая личность» и под. На с. 45–46 автор прямо говорит об их неоднозначности, спорности в современной науке, но в конце концов склоняется к мысли о том, что «женская проза» достоверно характеризуется рядом языковых черт, присущих только ей. Так, на с. 86 читаем: «В процессе исследования подтвердилось, что художественные тексты женской прозы представляют собой связный дискурс, основным элементом которого является особый язык <...> и специфичный “женский” стиль». Обратим внимание на цепочку адъективов, обособляющих изучаемую текстово-дискурсивную разновидность (объект исследования) от однородного (как выясняется, только внешне) с нею окружения: «связный», «особый», «специфичный». Отсюда вопросы. Каким образом этот особый «связный дискурс» «вдвинут» в общую систему художественной коммуникации? Насколько он автономен, изолирован, само-

достаточен? Какова степень интеграции «женского художественного дискурса» с остальными, родственными и неродственными ему разновидностями?

Второе наше замечание касается трактовки в книге понятий «признак» (речи) и «степень проявления признака». Так, согласно З.Р. Хачмафовой, признаками, определяющими речевую специфику совокупной женской языковой личности, могут быть эмоциональность и чувственность, неуверенность и некатегоричность, вежливость, правильность и грамотность речи (с. 95). Но ведь названные признаки присущи далеко не только художественной речи, созданной и воспринимаемой исключительно женщинами. Так, некатегоричность и правильность речи могут быть отнесены к признакам научного дискурса, а эмоциональный компонент – наряду с общеэстетическим фоном изложения – пронизывает собою всю художественную речь, независимо от биологического пола участников коммуникации. И не правильнее ли было бы здесь говорить не о качествах речи, но об особой степени их проявления? Аналогичным образом можно заметить, что автор склонна различать речевую экспрессию, но при этом забывает, что еще Е.М. Галкина-Федорук подчеркивала: экспрессия – это, в совокупности, выразительность и изобразительность, но не сами по себе, а при условии их усиления, направленного на увеличение воздействующей силы сказанного.

Наши вопросы вовсе не перечеркивают ценности работы, проделанной З.Р. Хачмафовой. Мы уверены в теоретической значимости ее результатов, которая состоит в принципиально новом подходе к описанию особенностей дискурсивной практики, именуемой женским дискурсом. Результаты этой работы могут также успешно использоваться в практике преподавания вузовских курсов теории текста, теории гендерной лингвистики, социолингвистики, лексикологии и стилистики русского и немецкого языков, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации.

С.Г. Николаев